

Николай Помогаев

СМЕХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГРУППОВОГО СНОБИЗМА

Наличие смеховой культуры – неотъемлемый элемент жизни любого сообщества людей. Почти в каждой социальной группе, будь то профессиональное сообщество, религиозная конфессия, политическая партия или же население какой-либо страны или города, существует специфическая, присущая членам данного сообщества форма юмора, которая, как правило, находит воплощения в анекдотах, всякого рода «байках» – реальных или вымышленных историях со смешным для данной группы содержанием, а также в стандартном наборе шуток. Без наличия собственного понимания природы смешного и специфической формы смеховой культуры не обходится ни одно сообщество. Скажу более – только при условии ее наличия мы можем судить о прочности сообщества; если в сообществе не существует смеховой культуры, то оно еще не успело сформироваться. Отсюда следует вывод: смеховая культура является одним из главнейших средств групповой идентификации, при помощи смеха социальные сообщества маркируют свои границы и консолидируют единство входящих в них индивидов. В этом заключается одна из важнейших функций смеха, наряду с такими, как гедонистическая, защитная, которая реализуется через функции смеха как средства маркирования границ между группами, установления отличия своей группы от других, функцию интеграции норм и смыслов других сообществ в собственную картину мира, функцию защиты от группового комплекса неполноценности, поддержание базовых правил поведения принятых в сообществе и др.

В данной статье изучается выражения группового снобизма как средства групповой идентификации посредством смеха, когда осмеянию подвергаются представители других социальных групп, за счет чего достигается осознание превосходства своей группы, по сравнению с другими: «мы лучше, чем они».

Ярким примером группового снобизма, проявляющегося посредством смеха, являются национальные анекдоты. В фольклоре многих народов очень распространены анекдоты о представителях других национальностях и этнических групп. Объектом осмеяния в них оказывается представитель какого-нибудь соседнего народа. Англичане сочиняют анекдоты о шотландцах, скандинавские народы о датчанах, русские о чукчах и т. д. [3]. В таких анекдотах главный герой, являющийся персонализацией того или иного народа, всегда оказывается дураком, совершающим глупые поступки, с негативными последствиями для себя, либо оказывается обманутым и пр. При этом молчаливо утверждается мысль, что: «мы не такие», следовательно, наш народ лучше. Однако,

более удобным материалом для раскрытия темы статьи, на мой взгляд, является юмор более узких сообществ, в которых, благодаря их ограниченности и относительной замкнутости, групповой снобизм проявляется сильнее и отчетливее, чем широких общностях.

Для начала скажем несколько слов о снобизме как таковом и о снобистской форме смеха и юмора, в частности. Словарь русского языка приводит два значения слова «снобизм»: 1. В буржуазно-дворянском обществе: человек, тщательно соблюдающий все требования моды и правил «высшего общества» и с пренебрежением относящийся ко всему другому. 2. Человек, претендующий на изысканно-утонченный вкус, манеры, особый, исключительный круг занятий и интересов. При этом указывается английское происхождение слова [6, с. 166]. Если совсем коротко, то снобизм – это явное или скрытое осознание собственного превосходства над другими и, как следствие этого, пренебрежительное отношение к ним. Это может проявляться как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества. Нарцисстически-самовлюбленный человек уверен, что он лучше других людей, поскольку либо умнее, либо сильнее, либо превосходит их в степени профессионального мастерства и пр., благодаря чему у него формируется некое чувство брезгливости по отношению к другим людям, сознание того, что они «хуже», «ниже меня», поскольку не обладают тем, что есть у меня. При этом такой индивид уверен, что то, чем он обладает, является в высшей степени ценным, в то время как ценности других людей кажутся ему пустыми и не существенными. Часто происходит так, что осознание конкретным индивидом собственного превосходства над другими формируется за счет его принадлежности к определенной общности, которая, в свою очередь, претендует на некую уникальность, исключительность, которая не дана людям, находящимся за ее пределами. Тут мы имеем дело уже с групповым снобизмом, с претензией группы на собственную исключительность, на обладание качествами и знаниями, не доступными другим группам. Потому к представителям других социальных групп следует относиться с оттенком небрежения, как к своего рода «плебеям». Основания для такого отношения к другим могут быть весьма различными, зависят от системы ценностей исповедуемых индивидом или же группой. Например, для некоторых представителей интеллектуальных профессий характерно презрительное отношение к людям физического труда, в связи с не образованностью последних, в то время как для интеллектуалов знания представляют большую ценность. Одним словом, снобизм можно определить как попытку самоутверждения за счет принижения других. Его можно, в каком-то смысле, уподобить эотеризму, претензии на обладание неким тайным знанием, недоступным другим. В данном случае, я слово «знание» употребляю в предельно широком смысле, это не

обязательно научное знание, или знание каких-либо мистических доктрин. Это могут быть какие-либо профессиональные знания, или способность к быстрому реагированию в различных житейских ситуациях и пр.

Следует помнить, что проявления снобизма очень часто являются оборотной стороной сознания собственной ущербности, неуверенности в себе, которые компенсируются за счет постулирования собственного превосходства над другими. В данном случае снобизм становится средством психологической компенсации сомнения в собственном достоинстве и исключительности. Одним из наиболее действенных средств самоутверждения за счет других является осмеяние. Пожалуй, трудно представить более действенное средство принизить другого и самоутвердиться в собственных глазах, чем подвергнуть последнего насмешке. И это неудивительно, ведь смех обладает очень сильным нивелирующим пафосом, способностью низводить высокое до статуса низменного, обесценивать. В этом, на мой взгляд, заключается одна из основных особенностей снобистского смеха. По своей сути, он всегда направлен на обесценивание, на демонстрацию несостоятельности объекта осмеяния, придание ему низкого статуса в ценностной иерархии исповедуемой индивидом или сообществом и одновременно на утверждение позиций субъекта смеха. Снобистский смех никогда не бывает добрым, напротив он всегда злой, агрессивный и пренебрежительный, поскольку его пафос нивелирующий. Свойственная любому смеху амбивалентность в снобистском смехе раздваивается по разным объектам: объектом низвержения становится объект осмеяния, а объектом утверждения становится субъект смеха. Отводя объекту насмешки низкое место в ценностной иерархии, снобистский смех служит средством утверждения собственных ценностей, а также средством их защиты от возможного сомнения. Уже было сказано, что снобизм связан с претензией на обладание неким тайным знанием, с этим связан еще один принцип снобистского юмора. Он активно демонстрирует, что поведение объекта осмеяния не соответствует основным нормам, заложенным в знании той или иной группы, и не соответствует принятым в группе ценностям.

Рассмотрим сказанное на конкретных примерах. Очень богатый материал, в данном контексте, представляет смеховая культура религиозных конфессий [4]. Поскольку весьма значимым элементом религиозного мировоззрения является представление об абсолютной истине, которая известна заранее и, как правило, полагается полученной Свыше, посредством Откровения, религиозные конфессии часто претендуют на то, что именно их доктрина наиболее точно соответствует Откровению, а потому именно их вероучению принадлежит статус абсолютной истины. Неудивительно, что вера часто ведет к фанатизму, к

нетерпимому отношению к принадлежащим к иным вероисповеданиям, к возвышению в собственных глазах, сознанию своего превосходства над неверующими и представителями других конфессий (правда, сразу следует учесть, что последнее, в основном, проявляется в неявной форме, поскольку, зачастую, противоречит моральным нормам религии). Конфессиональный юмор может служить наиболее показательным примером конституирования групповой исключительности посредством смеха.

Другим примером утверждения групповой исключительности может служить юмор некоторых профессиональных сообществ, в основном, занимающихся интеллектуальным трудом. Продолжая перечень примеров, можно также указать на юмор представителей каких-либо конкретных населенных пунктов, например городов, посредством которого жители какого-либо города демонстрируют свое превосходство над жителями других населенных пунктов. В качестве материала для рассмотрения в статье, я избрал три конкретных примера: юмор религиозной секты «Богородичный центр», смеховую культуру субкультуры программистов и анекдоты болгарского города Габрово. Я надеюсь показать, что, несмотря на различия по содержанию, все три избранные примера демонстрируют сходство по структурным особенностям, базовые принципы конституирования смысла в каждом из них одни и те же, притом во всех трех примерах смех выступает как средство осознания собственной исключительности и превосходства над другими.

Итак, Богородичный центр – религиозная секта, зарегистрированная в Москве в 1991 г. Основателем ее стал некий Береславский В. Я. За годы своего существования секта неоднократно меняла название, называлась то «Новая Святая Русь», то «Община Православной Церкви Божьей Матери Державная», «Собор новой Святой Руси» и пр. Адепты общины претендуют на то, что их учение представляет собой подлинное Православие, утраченное в настоящее время официальной церковью, особо выделяет учение секты сильно развитый культ Богородицы [1]. Для секты характерно резко негативное отношение к господствующей церкви, которая считается запятанной себя «Сергеенистским расколом» и, как следствие этого, утратившей подлинную Благодать Божью [2]. Члены общины ведут крайне аскетический и замкнутый образ жизни [2]. Эти факторы накладывают сильное влияние на характер смеховой культуры сообщества. Юмор Богородичного Центра, выражающийся в произведениях так называемой «духовной сатиры» – наборе фельетонов и анекдотов, имеет весьма злой характер, направлен против РПЦ (см.: [5]). Основным объектом осмеяния «духовной сатиры» являются служители церкви, которые изображены в крайне неприглядном виде как не имеющие подлинной веры стяжатели, ханжи и лицемеры. Типичным

образом такого рода шуток может служить следующая история:
Как-то однажды, в российской глубинке местные сельские жители восстановили собственными силами приход. Да вот незадача – не было у них священника. Долго молились бабульки Богу, чтобы прислал к ним священника. Но Господь не подавал. Прошло несколько месяцев. Совсем было отчаялись прихожане, поскольку знали, как трудно с кадрами в местной епархии. И вот, как-то раз, утомленные бесконечным ожиданием, снарядили все-таки ходатая – своего человека к местному владыке с прошением. А в прошении была всего единственная просьба: «Ваше преосвященство, пришлите нам пожалуйста в приход хотя бы одного священника, только большая просьба – чтобы верующий был...» (см.: [5]).

Главным героем подобных историй и анекдотов является, в основном, священник. Причем, важно заметить, что речь идет не о конкретном человеке, то есть определенном священнике такого-то прихода, но о священнике «вообще». Носитель сана представлен в некоем усредненно-типизированном виде, кроме того, речь идет не столько о священнике, сколько о церкви вообще, то есть батюшка служит наглядной персонификацией всей фарисейской церкви в целом. С такой функцией связана крайняя однобокость образа, последний наделяется лишь негативными чертами. Священник обязательно туп, ленив, лицемер и стяжатель, но ни в коем случае не может обладать какими-либо положительными качествами. Иногда объектом насмешки в сатире Богородичного Центра становится не поп, но приход, осмеянию подвергаются регулярные посетители служений Православной церкви. При этом, последние представлены как люди недалекие, непонимающие подлинного смысла вероучения, уделяющие много внимания чисто-формальной стороне обряда. Ярким примером тому может служить анекдот:

Священник причащает прихожан, будучи максимально сосредоточенным. Подходит старушка и он, не глядя на нее, спрашивает: «Имя?». Она отвечает: «Василий». Тут уже он в недоумении смотрит на нее и с ужасом видит кота, высунувшегося из-за пазухи. Объяснять старухе каноны и принципы Православия некогда, и он спрашивает: «А он исповедывался?». «Нет», – в замешательстве протягивает старушка. «Ну, тогда нельзя ему причащаться» (см.: [5]).

В этом случае объектами смехового обыгрывания являются: невежество бабушки – с одной стороны, с другой – нерадивость священника, этому невежеству потакающего. За попытками продемонстрировать фальшь и лицемерие церкви, в данном случае, стоят претензии на собственную праведность, осмеивая церковь, члены секты возвышаются в собственных глазах, неявно утверждая, что мол: «у нас

этого нет, следовательно, мы лучше». Последнее же можно со всеми основаниями рассматривать как форму снобизма, проистекающего на религиозной почве, поскольку здесь осмеяние направлено исключительно в сторону оппонента, а сами же члены секты таким образом целенаправленно возвышают себя.

Обратимся теперь к иному примеру – снобизму, проистекающему на почве профессиональной, который так же часто проявляется посредством смеха. Как уже было сказано выше, наиболее благодатным примером, в данном случае, может служить субкультура программистов. В настоящее время, в связи с резким возрастанием роли и значения компьютеров в самых различных отраслях деятельности, активной экспансией вычислительной техники в быт, резко возросло значение профессии программиста, социальный статус, престижность специалиста по компьютерной технике. Эти обстоятельства порождают в сознании программистов чувство гордости за свою профессию. То обстоятельство, что большинство рядовых пользователей компьютеров не имеют четких представлений о принципах их работы, функционировании компьютерных программ, дает программистам основание полагать, что они владеют чем-то вроде эзотерического знания, недоступного простым смертным. Последнее ярко отражается в присутствующем в профессиональном аргументе своеобразного деления всех людей на «программистов» и простых пользователей, которые получают насмешливые прозвища типа – «юзер» или «чайник». «Чайники» являются устойчивым объектом насмешки в профессиональном юморе, вот что по этому поводу пишет К. Э. Шумов: «В какой-то степени юзеров как персонажей фольклора программистов можно соотнести с простаками и дураками из традиционной крестьянской сказки. Они все делают невпопад, совершают нелепые ошибки» [7, с. 147]. Часто смеховой эффект в фольклоре программистов строится на непонимании юзерами текстов некоторых компьютерных сообщений, например сообщения «Press any key» (нажмите любую клавишу):

Ребята – сборщики компов – где-то раздобыли наклейки Any key и наклеивали их на кнопку reset. А доверчивые покупатели потом звонили и выясняли: почему этот агрегат после запроса Press any key перезагружается... [7, с. 147].

Снобистское отношение к пользователям получило отражение и в афоризмах: «Хороший юзер – мертвый юзер», «Каждому чайнику по свистку» и пр. Поскольку, как уже было сказано, социальный престиж профессии программиста в современном обществе весьма велик, то часто объектом насмешки с их стороны становятся представители других интеллектуальных профессий, не обладающих высоким уровнем престижности, прежде всего это касается гуманитариев. «Вас скоро в заповедники отправят» – сказала мне как-то одна выпускница технического

колледжа, по специальности программист-дизайнер.

Чтобы завершить обзор примеров, скажем несколько слов о «городском снобизме», проявлению высокомерия на уровне жителей конкретного города, опять-таки посредством смеха. В данном случае лучшим примером могут служить анекдоты Болгарского города Габрово, крупного индустриального и торгового центра. Несмотря на разнообразие житейских ситуаций, обыгрываемых в габровских анекдотах, все они построены на одной теме, а именно темы денег и всего, что с ними связано. Все анекдоты – по поводу денег, того, что кто-то кому-то не доплатил или что кого-то «надули» на крупную сумму. Главным действующим лицом анекдотов является хитроумный габровец, лучше других сведущий в денежных делах, способный вытянуть деньги из кого угодно. Объектом насмешки в анекдотах являются либо крестьянин из соседней деревни, либо житель другого города, оказывающийся обманутым и, как следствие этого, теряющий деньги. Конечно, в габровских анекдотах присутствует и доля самоиронии, насмешки самих габровцев над собственной мелочностью и скупостью. Однако, при этом молчаливо признается, что, несмотря на мелочность, габровцы лучше других умеют решать финансовые проблемы, а потому умнее. Роль крестьянина или иногороднего в этих анекдотах сродни роли юзера в анекдотах программистов, то есть человека недалекого, не приспособленного к житейским коллизиям:

В магазине габровец потребовал десяток яиц от черной курицы. Продащица удивилась и сказала: «Если ты их различаешь, выбирай!». Габровец отобрал самые крупные, заплатил и ушел [4, с. 51].

И еще:

Если позвать в гости жителя Хасково, то он в гостинец привезет жареного на вертеле барашка. Из Бургаса гостинцем будет жареная рыба. Из Горна Оряховицы – домашняя колбаса. Из Пловдива – абрикосы. Из Трояна – ракия. А житель Габрово привезет с собой брата, который все это съест! [4, с. 51].

Словом, снобизм в данном случае проявляется в представлении о своей группе как о наиболее сведущей в финансовых делах, а потому и самоотношение к себе повышено уважительное, в то время как все не-габровцы часто оказываются представленными с некой долей пренебрежения.

Подводя общий итог всему сказанному, мы можем констатировать следующее: во всех трех приведенных примерах, несмотря на различие в конкретном содержании, присутствует несколько общих принципов: идея противостояния своей группы другим, являющимся объектом пренебрежительной насмешки; происходит утверждение собственной группы за счет другой; утверждается претензия на обладание неким

особым знанием, понимание жизненно-важных смыслов, недоступных другим группам. Во всех приведенных примерах смех выполняет несколько весьма значимых социальных функций. Во-первых, функцию определения границ сообщества: выстраивая смеховой барьер между собой и другими, сообщества надежно оберегают собственную идентичность, во-вторых трансляции специфического языка сообщества, доступного пониманию, прежде всего, входящих в него индивидов, в-третьих утверждения некоторых базовых ценностей сообщества, конституирования основных смыслов его мировоззрения. Групповой снобизм, проявляющийся посредством смеха, на мой взгляд, отражает некоторые основные условия формирования самосознания социальных сообществ. Ведь осознания индивидом своей принадлежности к какой-либо группе не может сформироваться без сопоставления ее с другими, при этом обязательно участвует аксиологический аспект, сопоставление себе и других, как правило, осуществляется в модусах «лучше» – «хуже». И это не случайно, ведь ни одно сообщество не может функционировать без наличия прочной системы ценностей, отношение к другим сообществам формируется в зависимости от того, насколько их представители этим ценностям соответствуют. Кроме того, почти каждое из существующих сообществ формируют свою систему знаний, неких устойчивых смыслов, призванных, по представлениям членов сообщества обеспечить человеку руководство необходимое для жизни. При этом данные смыслы полагаются как известные, прежде всего, «нам», но недоступные другим. И, наконец, каждая социальная группа формирует собственный язык, устойчивые формы общения, которые служат транслятором существующей традиции, одним из таких трансляторов является смеховая культура.

1. Ахметова М. В. Город в современных эсхатологических предсказаниях // www.ruthenia.ru
2. Ахметова М. В. Образ бедствий в современной русской эсхатологии // www.ruthenia.ru
3. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор.– М.: РГГУ, 2003.– С. 581–599.
4. Габровские анекдоты. Сборник.– М.: Просвещение, 1980.– 215с.
5. Духовная сатира // Сайт Богородичного Центра – bc.theosis.ru.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой.– 3-е изд.– Т. 4. С – Я.– М.: Русский язык, 1988.– 800 с.
7. Шумов К. Э. Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор.– М.: РГГУ, 2003.– С. 128–165.